

"Русская"

миграция на
Западе", Г. Т.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Свою основную задачу участники настоящего сборника видят в том, чтобы оказать посильное содействие научной разработке истории распространения русской литературы в различных странах мира и определению тех многообразных воздействий и влияний, какие русское художественное слово оказало за рубежом в различные периоды своего развития, в особенности за последнее столетие. Хотя подобная задача и не является новой для русской дореволюционной и советской литературной историографии, но лишь в недавнее время она встала перед исследователями во всей своей широте, сложности и многообразии.

О всевропейском значении русской поэзии писал еще Пушкин. О «будущем законодательстве России в литературном мире» высказывали свои предчувствия и надежды Гоголь, Белинский, Герцен. Настойчивая и все более отчетливая уверенность в близком и вполне оправданном великом торжестве русского искусства неоднократно высказывалась в последующей русской критике и публицистике. Однако лишь в последней четверти XIX столетия, когда всемирное значение русской литературы стало неоспоримым и реальным фактом, определилась необходимость пристальнее задуматься над причинами ее всесветной популярности, приступить к изучению этой проблемы, к ее историческому истолкованию. Тем не менее изучения эти развивались медленно и с трудом. Примерно с середины 80-х годов мы все чаще можем встретить заявления, что «распространение русской литературы за границей есть факт, требующий внимания»,¹ что стоило бы разобратся в том, что именно «обеспечило ныне русским писателям такую славу в странах Западной Европы», что вызывает все увеличивающийся к ним интерес. Но решение подобных вопросов было едва ли под силу тогдашней буржуазной русской критике и литературной науке, интересовавшейся по преимуществу периодами отдаленными и достаточно беспомощной во всем, что касалось ее литературной современности и более или менее близкого литературного прошлого. И в самом деле: немногочислен-

¹ А. Н. Пыпин. Русский роман за границей. «Вестник Европы», 1886, кн. 9.

ные русские критические работы, написанные по этому поводу в конце XIX в., представляются нам в настоящее время и наивными и малосодержательными. Написанные по свежим печатным следам многочисленных западных суждений о русских писателях, они отличаются неясностью точки зрения, недостаточной критической остротой, а зачастую пропагандируют совершенно ложные мнения западных критиков о русской литературе. Впрочем, их основная задача была прежде всего информационной: собрать ряд зарубежных отзывов о произведениях русской литературы, сопоставить эти отзывы друг с другом, и, в лучшем случае, сообщить о своем согласии или несогласии с ними. Характерной особенностью всех этих работ (а в известной мере и их заслугой) был подчеркнутый библиографический уклон, естественный, впрочем, для начальных этапов литературных изучений: предстояло прежде всего привести в известность огромный, чрезвычайно разбросанный, а зачастую и малодоступный материал. Непрерывно возрастающая за рубежом популярность русских писателей — Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова, Горького и др. — являлась на рубеже двух столетий фактом столь бьющим в глаза, что во многих русских литературных журналах того времени можно было встретить отделы, где регистрировались вновь вышедшие переводы произведений русских писателей или иностранные отзывы о них (напомним хотя бы периодические сводки В. И. Межова в различных библиографических журналах или постоянный отдел «россики» в «Литературном вестнике»). Неудивительно, что наиболее распространенными типами русских литературных работ, посвященных разработке вопроса о роли русской литературы в западноевропейской литературной жизни или значению отдельных русских писателей за рубежом, явились в те годы: 1) хрестоматийные собрания иностранных отзывов об отдельных русских писателях («Иностранная критика о Тургеневе», 1884; 2-е изд., 1909; «Иностранная критика о Горьком» 1904), даваемые в переводах (иногда со значительными цензурными изъятиями) и без каких-либо комментариев; 2) библиографические очерки по различным отделам западноевропейской литературной «россики». Принципиального различия между двумя указанными типами изданий не было. Задача в сущности сводилась к простой регистрации фактов соответственного ряда.

Может быть, наиболее характерными образцами очерков подобного рода явились бесполезные, в конечном счете, но требующие весьма критического к себе отношения библиографические очерки П. Д. Драганова. Их свыше десятка. Среди них можно назвать: «юбилейный» очерк 1899 г. — «Кто впервые переводил Пушкина и первоначальные переводы его на 50 языков и наречий мира», переизданный затем под характерным заглавием: «Пятидесятиязычный Пушкин»; далее: «К 200-летию русской гражданской печати и распространению ее на окраинах греко-славянского мира, в северо-западной Азии и в обеих Америках в настоящее время» (СПб., 1900); «Переводы басен Крылова на 40 европейских, азиатских и

африканских языков» (СПб., 1903), «Хронологическое обозрение первоначальных сорока пяти разноязычных переводных сочинений Л. Н. Толстого, Tolstoyana—Polyglotta» (СПб., 1903) и т. д. П. Д. Драганов гнался прежде всего за количеством фактов, за вычислениями статистического характера. Цифрам он придавал особое и самостоятельное значение. Он регистрировал всевозможные «экзотические» переводы русских классиков, не зная восточных языков, не задумываясь над тем, имеют ли какое-либо значение отмеченные им одиночные переводы на малораспространенные языки и наречия, или над тем, например, имели ли какое-нибудь распространение во Франции или Германии французские или немецкие переводы русских писателей, в свое время издававшиеся в Москве или Петербурге... С легкой руки П. Драганова у нас, кстати сказать, долго держалось наивное предположение, что по общей цифре количества разноязычных переводов того или иного русского писателя можно судить о степени его «всемирности» или широте его популярности. Отзвуки подобных мнений мы находим уже в советское время в юбилейных статьях о Пушкине, Лермонтове и т. д. в иностранных литературах. Было бы ошибочно думать, что как в драгановских очерках, так и в аналогичных им критико-библиографических перечнях иностранной литературы о русских писателях наблюдалось полное библиографическое «беспристрастие». Такого беспристрастия в них, конечно, не было. Во всех этих очерках, статьях на подобные темы к XIX — нач. XX в. легко заметить две противоположные, а иногда и противоборствующие тенденции, из которых каждая таила в себе серьезные опасности для научного, исторического подхода к проблеме в целом: в одних работах наблюдалось слишком усиленное внимание к иностранным отзывам о русских писателях; в других — слишком упорное равнодушие или пренебрежение к ним. С одной стороны, подобные отзывы как будто содействовали горделивому национальному самоутверждению: можно было порадоваться тому, например, что Пушкин переведен на 50 языков земного шара, Толстой — на 45, Крылов — на 40 и т. д. (хотя на совести библиографа оставались приемы, с помощью которых он получал подобные «круглые» цифры). Но гордость за судьбу русского художественного слова, впрочем, не устраняла у некоторых авторов подобных обзоров известного пренебрежения ко всему тому, что в русской литературе не «удостоилось» переводов, что не вызвало к себе интереса иноземных читателей и критиков. В этом и заключалась главная опасность подобного слишком пристального внимания к иноземной литературной «россии». Западноевропейские оценки произведений русской литературы, любовно подбираемые и регистрируемые, получали значение своего рода критических «патентов»: славным, достойным внимания, бесспорным, общепризнанным являлось лишь то, что получило сочувственный западноевропейский критический штамп; все остальное зачеркивалось или мерилось на другой, «местный» масштаб. Вместе с тем явно недооценивалось в русской литературе все то, что предшествовало периоду интенсивного роста русского влияния в иностранных

литературах, или, наоборот, переоценивалось то, что по тем или иным причинам получило неожиданно высокое признание за рубежом. В настоящее время уже не приходится доказывать, насколько вредной и ошибочной была эта тенденция, приводившая к типичным случаям раболепия перед буржуазным Западом и его культурой. Не говорим уже о том, что апологетическое отношение буржуазно-дворянской критики к иностранным отзывам о произведениях русской литературы потому лишь, что это отзывы иностранные, способствовало искажению этих произведений, направляло внимание от главного к второстепенному, создавало ложные представления, затрудняло правильное понимание литературного процесса. Как много ошибочного, заведомо ложного внесли пропагандировавшиеся у нас иностранные отзывы хотя бы о Л. Толстом, Достоевском! Характерно, что основные пороки подобного преувеличенного внимания к сочувственным отзывам зарубежных критиков о русских писателях давали себя знать и в общих библиографических перечнях, и в хрестоматийных подборках соответственных иностранных критических материалов, и в отдельных статьях и исследованиях историко-литературного характера.

Подобная точка зрения проникала даже в учебные пособия для высшей школы. Из множества примеров, которые следовало бы проанализировать в отдельной работе, мы укажем хотя бы на один. В книге А. С. Архангельского «Введение в историю русской литературы» мы находим ряд глубоко ошибочных, но весьма характерных рассуждений по этому поводу. Говоря о значении русской литературы среди других литератур Западной Европы, А. С. Архангельский утверждал, что она «лишь в последнее время могла сравниться с литературами передовых народов... Русский народ силою исторических событий на целые 200—300 лет отстал от своих более счастливых западных соседей; в течение ряда столетий более „отсталой“ сравнительно с другими европейскими является и его литература». По мнению автора, лишь «начиная с последней четверти XIX ст. ... перед нами целый „дождь переводов“ в западноевропейских литературах из литературы русской! Западноевропейские читатели и критики разом признали богатство содержания, оригинальность и силу поэтического творчества в произведениях позднейших русских писателей, учеников Пушкина и Гоголя... Это теперешнее торжество русской литературы, — заключает отсюда А. С. Архангельский, — как бы оправдало в конце концов русскую литературу в глазах других народов — и вознаграждает особенности ее медленного исторического развития, ее „бедность“ и „отсталость“ в прошлом».¹ Цитированные слова в известной мере являются типичными для русского дореволюционного литературоведения. Констатация сильной струи русского влияния в иностранных литературах конца XIX в., признание крупного

¹ А. С. Архангельский. Введение в историю русской литературы, П., 1916, стр. 21—22.

международного значения русской литературы в это время, как видим, не помогало уяснению ее действительной ценности, самобытности, богатства, а скорее, напротив, набрасывало на нее известную тень, зачеркивало крупнейшие явления русской литературы всех предшествующих периодов, чуть ли не до Пушкина и Гоголя! Вопрос о том, что могло и что не могло быть известно иностранцам из произведений русского художественного слова, даже и не ставился, как и вопрос о причинах их непонимания, искажающих суждений, ложных и нисколько не обязательных для нас приговоров; никто не изучал условий распространения русской литературы за рубежом, тех естественных преград, которые стояли на пути к этому распространению, — социальных, языковых и т. д. Столь же ошибочными, но и столь же типичными для дореволюционного русского литературоведения являлись построения Алексея Веселовского. Как известно, одной из последних работ А. Веселовского была статья, напечатанная им в 1917 г. под заглавием «Англо-романский мир и русская литература»¹ и представляющая по своему замыслу необходимые «исторические» поправки к той его старой книге «Западное влияние в новой русской литературе» (1884), которая, быть может, нанесла наибольший вред изучению проблемы международного значения русской литературы. Эта последняя книга издавалась пять раз в различных редакциях (5-е изд., 1916); первоначально она была полемически направлена, с позиций буржуазного либерализма, против шовинизма поздних славянофилов; стремясь изобразить русскую литературу как часть «общеευропейской», он впал в другую крайность, создав искусственную и в корне искажающую реальный литературный процесс картину «западных влияний» во всей новой русской литературе, и тем самым вступил в борьбу с прогрессивными воззрениями русской революционно-демократической критики и публицистики. В 1917 г. Алексей Веселовский считал, что роль этой его книги сыграна, и попытался повернуть ее тему в обратную сторону, дав на этот раз, по его словам, очерк «второго встречного акта в международном литературном обмене..., влияния русской литературы на творчество и мысль англо-романского мира». В этой малоизвестной статье собрано много интересных данных по истории русского влияния на французскую, английскую, американскую, итальянскую и испанскую литературы (немецкая литература из этого обзора исключена вовсе, так как статья числалась в обстановке первой мировой войны), но тем не менее основная ее концепция безусловно ошибочна. А. Веселовский стоит приблизительно на той же точке зрения, что и А. С. Архангельский в цитированной его книге. До второй половины XIX в. в русской литературе будто бы преобладали «западные влияния», во второй половине века — русские влияния сдела-

¹ Алексей Веселовский. Англо-романский мир и русская литература (Из истории международного литературного общения), Сб. «Европа и война», вып. 4—5, М., 1917, стр. 41—92.

лись на Западе определяющими. Нет необходимости доказывать, насколько искусственна подобная схема: влияние русской литературы на иноземные, хотя и не столь мощным потоком, как в конце XIX в., началось задолго до этого времени; сводить русский литературный процесс к двум хронологически отделенным «встречным актам» — значит, действительно, искажать истину.

Такова была одна линия изучения интересующей нас проблемы, с явной тенденцией к преувеличению значения иностранных отзывов о русских писателях. Другая линия заключалась в полном отсутствии интереса к данной проблеме. Если некоторые русские критики с удовольствием уличали западных переводчиков в незнании русского языка (и большею частью делали это с полным основанием), то другие заранее предрешали, что «гордый взор иноплеменный» все равно не сможет проникнуть в заветный мир русского художественного слова и что смешные ошибки, непривычность вкуса, непонятные пристрастия или заведомые искажения, нередко встречающиеся в иностранных оценках русских писателей, попросту недостойны нашего любопытства и не подлежат нашему истолкованию. Эта линия тоже имеет свои глубокие исторические корни, но было бы ошибочно объединить в один ряд подобные суждения, весьма различные по своему происхождению и существу. Различные истоки имели предупреждения Пушкина о трудности переводов на французский с русского языка и многократные рассуждения Белинского о «непереводимости» произведений Крылова или Гоголя на иностранные языки. Позднее к прежнему недоверию прибавились и возраставшая у нас отчужденность русских писателей и читателей от иностранного художественного слова, звучавшего беднее русского, и крепнувшее словесное мастерство русских писателей, которому трудно было найти соответствующие западноевропейские языковые эквиваленты. Поэтому и задумывались у нас: следует ли переводить произведения русских писателей на иностранные языки? Следует ли интересоваться тем, что пишут иностранцы? ¹ Эта линия, в свою очередь, вела к недооценке роли русской литературы в мировом литературном развитии. Закрывать глаза на иностранные отзывы о русской литературе не было никакой нужды; важнее было найти правильный критерий для их оценки. Все дело в том, что многим старым работам литературоведческого характера, затрагивавшим подобные вопросы, не хватало исторической перспективы, метода, достаточного фактического содержания.

Наряду с принципиальным отрицанием западных суждений о русских писателях в дореволюционной историографии наблюдалось и простое

¹ Ср. хотя бы у Чехова, которому казалось, что переводить его «Мужиков» на французский язык «не было надобности» (письмо к Ф. Д. Батюшкову, 21 ноября 1900 г.): «Видал я, — писал он тогда же в другом письме, — много переводов с русского — и в конце концов пришел к убеждению, что переводить с русского не следует».

незнакомство с ними. Историки русской литературы мало привлекали к своим исследованиям иностранные критические материалы — зачастую просто потому, что они не знали их и не умели ими пользоваться. Рядовые историки русской литературы большею частью не интересовались зарубежными литературами, плохо ориентировались в них, что объяснялось, между прочим, и особенностями университетского преподавания этих литератур; большинство пользовалось только теми иностранными критическими материалами, которые имелись на русском языке; даже о Тургеневе, — международное значение которого стали у нас изучать прежде всего, — в обращении находился у нас долгое время весьма однообразный критический материал. Полнее, — но и то, главным образом, в библиографическом смысле, — освещены были у нас отношения к русским писателям славянских литератур (работы П. А. Кулаковского, В. А. Францева, П. А. Заболотского, В. Н. Кораблева и мн. др.); академическая «Библиотека русских классиков» разряда изящной словесности Академии Наук в своих изданиях Грибоедова, Кольцова, Лермонтова и др. пыталась распространить подобные библиографические обзоры и на основные литературы европейского Запада, но полнота не была достигнута и здесь, а критическое истолкование и систематизация собранных материалов в этих изданиях не всегда были на должной высоте.

Таким образом, существовало очень незначительное количество старых русских исследовательских работ о влияниях русской литературы в целом на иноземные литературы или отдельных русских писателей на писателей Запада, — работ, которые выходили бы за пределы обычной библиографической регистрации или — в редких случаях — простой констатации непосредственных воздействий, оказанных произведениями русского художественного слова на писателей иноземных.¹ Дореволюционная русская литературная историография располагала лишь немногими опытами суммарного истолкования интересующего нас процесса распространения русской литературы за рубежом и ее становления как одной из важнейших и влиятельнейших литератур Европы. Из этих работ статьи А. Н. Пыпина и С. А. Венгерова можно назвать в первую очередь. А. Н. Пыпин еще в 1902 г. рассматривал «Значение Гоголя в создании современного международного положения русской литературы» (СПб., 1902), изучал критические отзывы о русских писателях их западных современников, сопоставляя их и проверяя на русском критическом материале. В особенности он потрудился для установления русских воздействий на литературу

¹ Назовем здесь для примера такие работы, как: В. Н. А к о в е ч н ы й. Следы влияния Крылова в баснях Моравского. «Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук», 1909; Н. Ф. В л а й к о в. Из области влияния русской литературы на славянскую, там же, 1914; М. З а й д м а н. Ф. М. Достоевский в западной литературе. Одесса, 1911; 2-е изд., 1915; Н. П. К а ш и н. Островский во французской литературе, «Журн. Мин. нар. просв.», 1915, № 10—11; К. Т и а н д е р. К вопросу о международном значении Тургенева. «Датско-русские исследования», вып. 2, СПб., 1913 и др.

славянских народов. С. А. Венгеров (ум. в 1920 г.), многократно подчеркивая «исключительное величие» и «мировое значение» русской литературы, пытался определить ее своеобразие, вскрыть единственно ей присущие черты, причем даваемые им формулировки этих важнейших ее особенностей звучали все глубже и острее.¹

В новую фазу изучение международного значения и мировой роли русской литературы вошло лишь после великого исторического сдвига — Октябрьской социалистической революции.² Определяющее значение приобрели теперь утверждения В. И. Ленина, еще в 1901—1902 годах в книге «Что делать?» писавшего, что русская литература приобрела мировое значение, а в статьях о Толстом более подробно проанализировавшего причины его всесветного влияния. Еще в статье 1910 года Ленин писал, что «его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции».³ Победа Великого Октября осветила новым светом эти известные слова. Становилось ясным, что с некоторыми ограничениями они могут быть отнесены к русской классической литературе вообще, ибо каждый из русских писателей «по-своему», в меру своего таланта и творческих сил, отразил мировое значение русского исторического развития и столь присущий русской литературе прогрессивный освободительный дух. Именно просветительские, освободительные, гуманистические тенденции, сохраненные и по-новому продолженные в наше время, предопределили и обеспечили русской литературе центральное положение среди других литератур мира во второй половине XIX века. В этом

¹ Еще в 1885 г., в уничтоженной цензурой книге «История новейшей русской литературы», а затем в лекции «Основные черты новейшей русской литературы» (1898, 1899, 1909, 1911, — с новым этюдом «Героический характер русской литературы» и т. д.) С. А. Венгеров говорил о «героическом» и «учительном» характере русской литературы; она, по его словам, «никогда не замыкалась в сфере чисто художественных интересов и всегда была кафедрой, с которой раздавалось учительское слово». Опыт систематизации этих оценок и развитие основной формулы С. А. Венгерова см. в статье: Л. К. Ильинский. С. А. Венгеров, «Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук», 1923, т. XXVIII, стр. 126—127; Н. И. Ефимов. Свообразие русской литературы, Одесса, 1919, стр. 36—82. В 1919 г. Венгеров уже писал, что «вековая работа героической русской литературы — вековая подготовка революции»; «Россия сказала новое слово всемирно-исторического значения». В этих последних тезисах чувствуется уже дыхание революции; не подлежит сомнению знакомство Венгерова с гениальными новаторскими суждениями В. И. Ленина о мировом значении русской литературы и высказываниями А. М. Горького; еще в 1906 г. определения «геронзма русской литературы» у Венгерова звучали беднее и неопределеннее. Однако Венгеров, сторонник историко-культурной школы, не мог раскрыть конкретно всемирное значение русской литературы, как обусловленное своеобразием исторического развития России.

² Первой такой работой, большой и оригинальной, надо признать три тома «Литературного наследства», посвященные вопросу «Русская культура и Франция», вышедшие в 1937—1939 годах (№ 29—30, 31—32, 33—34).

³ В. И. Ленин, Социализм, т. XIV, стр. 400.

смысле не раз высказывался и А. М. Горький. Чем глубже усваивала эти положения советская литературная наука, тем яснее становилось, что прежние утверждения относительно мирового значения русской литературы должны быть пересмотрены под этим углом зрения, что именно передовой, прогрессивный характер русской литературы, ее идейное богатство, демократическая, гуманистическая направленность и были теми ее основными качествами, которые привлекали к себе внимание передовых западных читателей и критиков. Лишний раз подсказывалось убеждение, что изучение роста популярности русской литературы за рубежом имеет отчетливую историческую важность и что оно выходит из той первоначальной стадии, в которой находилось до сих пор. И наука о русской литературе ответила на это рядом новых работ в данной области. Юбилейные даты — в первую очередь пушкинские юбилейные дни 1937 года, впервые с такой полнотой раскрывшие величие поистине мировой славы русского национального поэта и родоначальника новой русской литературы, — значительно стимулировали подобные изучения и сообщили им исследовательский пафос, верность взгляда, потенциальные силы дальнейшего развития. В особенности же повысился интерес к ним в дни суровых испытаний Великой Отечественной войны, когда вопрос о мировой роли русской культуры встал с особенной силой. Проблемы великого культурного наследия и оценки его со стороны только теперь установились во всю свою ширь; в дни войны мы научились острее, напряженнее, эмоциональнее ценить великое прошлое русского народа, памятники его мысли и искусства. Вот почему и проблема международного значения русской литературы встала тогда с особенной остротой и приобрела столь глубокий и волнующий интерес.

За последние годы появилось уже немало новых работ, посвященных этой проблеме в ее целом и частях, библиографических сводок, новых материалов и т. д.¹ Знакомясь со всеми этими работами, выносишь, однако, впечатление, что, хотя общие контуры проблемы стали более четкими, обсуждение поднялось на принципиальную высоту, а методы ее разработки стали более совершенными и тонкими, широкое научное освещение проблемы еще далеко от своего завершения. В самом деле, общие постро-

¹ Сошлемся в качестве примера на работы: Н. Гудзий. Мировое значение русской литературы, М., 1944; А. Еголин. Величие русской литературы, М., 1943 (стр. 5—21 — «Всемирное значение русской литературы»); Т. Мотылева. Русская литература и Запад. «Знамя», 1943, № 11—12, стр. 257—269; Е. же. Мировое значение русской литературы. «Под знаменем марксизма», 1944, № 2, стр. 54—69; А. Елистратова. Русские классики в Англии. «Интернациональная литература», 1942, № 11, стр. 119—125; М. П. Алексеев. Русские классики в литературах англо-романского мира. «Звезда», 1944, № 5—6, стр. 105—119. Более подробно как старая, так и новейшая русская литература по этому вопросу указана в справочнике, изданном Государственной Публичной библиотекой в Ленинграде: К. Муратова и Е. Привалова. Мировое значение русской литературы и русского искусства. Указатель литературы. 1945.

ния все еще большей частью находятся в зависимости от прежде накопленных русской историографией печатных материалов, между тем далеко не все то, что написано было за рубежом о русской литературе в целом или об отдельных писателях и их произведениях, приведено было в известность, подверглось соответствующей систематизации и оценке. Со второй половины XIX века произведения русской литературы все чаще становились предметом внимания и обсуждения во всем мире; поэтому даже относящиеся сюда печатные материалы одних лишь западноевропейских стран поистине неисчерпаемы и не скоро еще будут изучены со всей необходимой тщательностью и полнотой. Весьма многие меткие суждения, интересные признания, определения и оценки все еще остаются под спудом, затерянные в записях дневников, в переписке целого ряда выдающихся деятелей стран Западной Европы или на страницах старых изданий на самых разнообразных языках. Существующие русские работы на интересующие нас темы чаще всего оперируют однообразным материалом, требующим обновления и весьма значительных пополнений. Лишь ряд предпринятых заново и по первоисточникам библиографических разысканий поможет ввести в оборот все эти данные. Но этого мало: в прежнее время, как мы видели, изучение восприятия того или иного русского писателя западной критикой нередко ограничивалось поисками наиболее сочувственных отзывов о нем; подобные отзывы переводились на русский язык в первую очередь и входили в литературный оборот. Между тем, неправильно было бы представить себе историю распространения русской литературы за рубежом как своего рода триумфальное шествие. Несмотря на быстрый рост популярности русской литературы на Западе, наблюдающийся в течение всего XIX столетия, на путях ее распространения было много преград. Можно наблюдать своего рода приливы и отливы читательского интереса к русской литературе на Западе, причем ослабление внимания к ней не всегда вызывалось ею самой, но объяснялось свойствами и особенностями развития воспринимающей ее среды; на колебания между сочувственными и враждебными отношениями к произведениям русского художественного слова оказывали свое влияние и международные отношения, и социальная борьба, и политическая обстановка. Вокруг наиболее выдающихся произведений русской литературы на Западе (как и в России) велась ожесточенная классовая борьба. Успех почти всех крупных произведений русской литературы в странах Западе сопровождался идейной борьбой, полемикой, страстными спорами. У русской литературы на Западе всегда было немало открытых и замаскированных врагов, нередко с сожалением констатировавших следы тех воздействий, какие она уже успела оказать. Бывали, наконец, даже целые периоды европейской истории, когда самая популярность русских писателей за рубежом имела как бы «отрицательный» характер, когда усиленная переводческая деятельность с русского языка объяснялась стремлением нанести вред русской культуре, подорвать ее сочувственное понимание сознательным искажением ее основных при-

дидов и качеств: таково было, например, тенденциозное внимание к Гоголю или раннему Тургеневу во Франции и Англии в начале Крымской войны.¹ Все подобные факты нельзя исключать из общей картины распространения русской литературы на Западе, если она хочет быть подлинно исторической, а между тем они изучены еще в очень слабой степени.

В числе тех преград, которые стихийно замедляли за рубежом процесс усвоения русской литературы, был ее язык. Со всей полнотой значение русской литературы должно было открыться для западных читателей лишь с того времени, когда эта литература могла стать им известной не через посредство переводов, зачастую неточных, неверных, ослаблявших или вовсе искажавших подлинник, а непосредственно из оригинальных произведений русского художественного слова; иными словами, с тех пор когда знание русского языка перестало быть на Западе уделом немногих отдельных лиц, а получило более или менее широкое развитие. Известно между тем, что это случилось сравнительно поздно; лишь со второй половины XIX века изучение русского языка в целях литературных, научных и самообразовательных стало приобретать все большее значение. Отсюда возникает задача — подвергнуть специальному изучению качество и стилистические особенности переводов с русского языка, обращавшихся среди зарубежных читателей в XIX — начале XX века, — возникающая дополнительно к прежним требованиям их максимально полной библиографической регистрации. Как раз в последние два десятилетия сложная проблематика изучения художественных переводов в теоретическом и методическом отношении стала предметом оживленного исследования советского литературоведения. Применение разработанных принципов анализа к интересующим нас вопросам показало со всей очевидностью, что основная масса переводов с русского на западные языки еще очень слабо изучена. Предварительный анализ даже наиболее прославленных из этих переводов, вроде «Пиковой дамы» Пушкина в переводе П. Мериме,² показал, насколько они далеки от совершенства и с каким заметным искажением передают они зарубежным читателям впечатления от русской прозы; изучение «классических» стихотворных переводов с русского языка в этом отношении еще более показательны. Необходима, следовательно, целая серия монографий об иностранных переводах произведений русской литературы, в которой были бы вскрыты их особенности, принципы, стилистические качества; ряд специальных разысканий, которые установили бы соотношение между отдельными иноязычными переводами (известно, например, что значительная часть английских переводов произведений русских писа-

¹ М. К. Клеман. «Записки охотника» и французская публицистика 1854 года. «Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова», 1934, стр. 305—314.

² Л. Коган. Пушкин в переводах Мериме. «Пушкин. Временник», т. 4—5, М.—Л., 1919, стр. 331—336.

телей во второй половине XIX века сделана была с переводов французских или немецких).

Перед исследователями судьбы русской литературы за рубежом в последнее время встал также ряд новых неотложных задач, создавших дополнительные трудности для быстрых обобщений и подведения итогов. За последнюю четверть века русская литература весьма интенсивно изучается не только в России, но и во всем мире. Год от года множатся исследования и статьи о русских писателях на самых разнообразных языках; многие из них еще не подвергнуты надлежащей научной критике; последняя задача важна в особенности — так, наряду с некоторыми иностранными работами о русской литературе, в которых встречаются новые факты и библиографические данные, существует немало и таких книг, в которых сознательно или бессознательно фальсифицируются представления о русской литературе в целом, искажаются исторические облики русских писателей, извращаются их произведения. Разоблачение всех этих ошибок, непониманий, извращений и т. д. есть одна из очередных задач советского литературоведения.

Можно было бы указать здесь на ряд других задач, поставленных нашей наукой и непосредственно относящихся к кругу интересующих нас вопросов, среди которых изучение ведущей роли современной советской литературы в истории развития мирового литературного процесса приобретает первостепенное значение. Однако и уже названных достаточно для того, чтобы видеть, как много усилий следует приложить к подобного рода изучениям, прежде чем они позволят подвести итоги. Только многолетняя коллективная работа в этой области будет содействовать прояснению проблемы в ее частях и целом.

Изучение влияния русской литературы на мировую имеет серьезное научное и политическое значение. Еще и по сию пору у некоторых представителей нашей интеллигенции сохранилось раболепие перед всем иностранным, ложное представление об «ученическом» и «подражательном» характере русской литературы. Ученая агентура современной империалистической реакции в некоторых странах Западной Европы и в США прилагает все усилия к тому, чтобы умалить вклад России в общемировую культуру. Долг советского литературоведения заключается в том, чтобы полностью и до конца разоблачить эту реакционную и научно несостоятельную концепцию и в конкретных исследованиях показать подлинное всемирно-историческое значение русской литературы.

В свете высказанных выше соображений представляется очевидным, что настоящий сборник, естественно, не мог считать своей задачей исчерпать материал или претендовать на окончательное решение затронутых в нем тем. Напротив, он намеренно посвящен разработке отдельных вопросов, из которых некоторые на первый взгляд могут показаться имеющими частный характер, хотя все они и направлены к единой цели. Редакция данного сборника исходила из той мысли, что без ряда пред-

варительных этюдов, различных по своим непосредственным задачам, построение общей истории распространения русской литературы за рубежом будет невозможным. На очереди — постановка ряда других более или менее обособленных вопросов, требующих частных решений, прежде чем их конечные результаты смогут быть сведены в единых итоговых формулах и обобщающих фактических сводках. Работа в этом направлении уже ведется, охватывая постепенно все более обширные и малоизвестные области мировой литературы.

Статьи предлагаемого тома ставят общие вопросы на более или менее ограниченном материале. Они освещают судьбу творчества отдельных русских писателей на всем Западе, в литературах какой-либо одной страны, в пределах, наконец, одного периода или литературного направления; подвергают анализу случаи конкретных литературных воздействий отдельных произведений русской литературы на произведения писателей западного мира; пытаются осветить отношения этих писателей к русской литературе вообще или к отдельным ее представителям. Некоторые статьи носят обзорный характер с подчеркнутыми библиографическими моментами, следовательно, имеют лишь предварительный характер; в других освещены спорные вопросы, требующие еще дополнительных изысканий и разъяснений. Наконец, в отделе «Материалов» собраны небольшие статьи преимущественно фактического характера, нуждающиеся еще в дальнейшей, более углубленной разработке или ориентирующие читателей в малоизвестном или труднодоступном материале.

Остается сказать еще несколько слов по поводу заглавия сборника. Настоящий том озаглавлен «Русская литература на Западе». Дело в том, что изучение мирового значения русской литературы долгое время ограничивалось у нас основными литературами Западной Европы как более знакомыми русским читателям и как более доступными для специалистов по русской литературе. Не приходится доказывать, насколько искусственно и мало оправдано такое сужение исследовательских задач. Литературы зарубежного Востока издавна и с не меньшей силой, чем литературы Запада, захвачены были русским влиянием: русскими востоковедами накоплен по этим вопросам весьма значительный материал, настоятельно требующий своего включения в общую картину распространения русской литературы по всему миру; у нас есть немало работ о переводах русских писателей на различные восточные языки — арабский, турецкий, японский, китайский и др. — и о восприятии их в различных странах зарубежного Востока; немало остается еще и сделать в том же направлении, и если, с одной стороны, историк русской литературы обязан воспользоваться для своих построений уже готовыми итогами востоковедных работ интересующего нас типа, то, с другой стороны, желательно именно совместное дальнейшее сотрудничество специалистов в различных областях литературной науки, так как только оно и в состоянии обеспечить полный успех в этом сложном и трудном деле. Судьба многочисленных переводов произведений

русского художественного слова на восточные языки в то же время едва ли отделима не только от русского, но и от западного литературоведения, и не только потому, что в общей цепи распространения русской литературы во всем мире литературы Востока составляют весьма важное звено; многие восточные переводы произведений русской литературы сделаны не с русских оригиналов, а с переводов английских или французских. То же можно сказать и относительно многих суждений о русских писателях, с которыми народы Востока познакомились в истолковании западных критиков, зачастую превратном или искажающем. В силу этого необходим ряд специальных востоковедческих работ, посвященных указанным вопросам.

В следующий том, подготавливаемый ныне к печати, будут включены работы о русской литературе в различных странах буржуазного Запада и странах новой демократии.

